

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАННЫ Д'АРК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МАРИН ЛЕ ПЕН

Кирилл Станиславович Бенедиктов
Политическая биография
Марин Ле Пен.
Возвращение Жанны д'Арк
Серия «Политики XXI века»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21431481
Кирилл Бенедиктов Политическая биография Марин Ле Пен.
Возвращение Жанны д'Арк.: Книжный мир; М; 2015
ISBN 978-5-8041-0796-4

Аннотация

Новая книга известного российского писателя Кирилла Бенедиктова (более 10 литературных премий) представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части политического класса Франции, которая испытывает искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке – России. Франция – давний и сложный политический партнер России в Западной Европе. Франко-русские отношения отмечены и ожесточенными войнами между нашими странами, и эпохами мира и даже «Сердечного согласия». Но нам известна и Франция – законодательница моды, центр европейской культуры, страна, окутанная романтическим флером... Наверно поэтому

Франция всегда была для русского человека чем-то вроде земли обетованной, приковывающей внимание, вызывающей повышенный интерес. Но что мы действительно знаем о Франции, о ее внутренней, скрытой от туристов провинциальной жизни, об обстановке, в которой «закалялась сталь» молодой девушки, ставшей в будущем одной из самых известных женщин-политиков – наряду с Маргарет Тэтчер, Ангелой Меркель и Кондолизой Райс? Сможет ли Марин Ле Пен преодолеть сопротивление своих политических врагов и стать новым де Голлем? Сможет ли осуществить мечту своей жизни – «Фрекзит» и добиться того, чтобы ее прекрасная Франция покинула тесные узы Евросоюза? Станет ли реальностью новый франко-русский союз, если у руля Пятой республики встанет современная Жанна д'Арк? И не постигнет ли ее судьба средневековой предшественницы, ставшей жертвой коварных англосаксов? Предлагаемая читателю книга – фактически первая изданная в России полная биография лидера Национального Фронта Франции Марин Ле Пен.

Содержание

Введение	8
Глава первая	26
«Твой папа – фашист»	26
«Завсегда и клубов»: Марин собирает команду	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кирилл Бенедиктов

Политическая биография

Марин Ле Пен

Возвращение Жанны д'Арк

Серия «Политики XXI века»

Книга издана при содействии Фонда ИСЭПИ

© К. С. Бенедиктов, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

*Памяти моих учителей – Анатолия Васильевича
Адо и Владимира Сергеевича Посконина*

*Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И, как в омут погружусь бездонный,
В дикую мою, родную Русь.*

*Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем стольких несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою, Вижу,
вижу, было ей не след.*

*Только небо в заревых багряницах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.*

*Вышли, кто за что: один – чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробежал,
А другой – за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;*

*Тот – чтоб милой в память их разлуки
Принесли «Почетный легион»,
Этот – так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!*

*Мы собрались, там поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали – женицин обижали,
Пропивали ружья и кресты.*

*Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.*

*В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуетя, что она сильна.*

*Вот, ты кличешь: – «Где сестра
Россия, Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездье Змия
Загорелась новая звезда.*

*Николай Степанович Гумилев
1918 г.*

Введение

История российско-французских отношений знала как периоды острой вражды (война 1812 г., Крымская война 1853–1855 гг.), так и периоды весьма тесного сближения как цивилизационно-культурного (вторая половина 18 века – 1812 г.), так и военно-политического (франко-русский союз 1891–1917 гг.) Бесславный конец последнего союза многими русскими франкофилами воспринимался как предательство со стороны России ее «возлюбленной сестры» Франции – именно так это было отражено в пронзительном стихотворении Н. С. Гумилева, выбранном мной эпиграфом к этой книге. И надо сказать, у русских франкофилов были все основания винить Россию в тяжком грехе предательства: пришедшие к власти в России большевики заключили с Германией сепаратный Брестский мир, что позволило немцам продвинуться почти до самого Парижа.

Хотя отношения между Францией и Советским Союзом, по понятным причинам, не могли быть такими же сердечными, как во времена Российской Империи, взаимное притяжение двух стран ощущалось и в этот период. Достаточно вспомнить франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г., документ, значение которого в историографии явно недооценено. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, но нетрудно представить себе, как изме-

нилась бы история Европы, если бы не саботаж англичан на военных переговорах в Москве в 1939 году¹. Безусловный интерес представляет тот факт, что наиболее дальновидные французские политики подчеркивали необходимость франко-советского союза задолго до подписания этого пакта. Например, искренний русофил Эдуард Эррио вспоминал о событиях 1935 г.:

«Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года (выделено мною. – К. Б.). На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения...»².

¹ 17 и 20 августа 1939 г. глава французской военной миссии генерал Думенк сообщал из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. { ... } Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». Под давлением Лондона Польша не изменила свою позицию, что и привело в итоге к событиям сентября 1939 г.

² Эдуард Эррио. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936.

Можно, наконец, вспомнить знаменитые слова генерала де Голля о Европе «от Атлантики до Урала», напугавшие Хрущева в год Карибского кризиса, но позже охотно цитировавшиеся адептами конвергенции и нового мышления³. Они были не просто красивой метафорой, данью цветистому галльскому красноречию, но продолжением интеллектуальной традиции, представленной, в частности, такими выдающимися личностями, как **Пьер Паскаль** и **Пьер Шоню**, – традиции, которая, как мы увидим на страницах этой книги, жива во Франции до сих пор.

Последним на данный момент периодом сближения Москвы и Парижа – увы, весьма кратким – следует считать 2003 г., когда обе страны сблизились на почве противостояния военному вторжению США и их союзников в Ирак. Едва не сложившаяся ось «Париж-Берлин-Москва» заставила Кондолизу Райс произнести в июне того года сакраментальное: *«Мы должны наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию»*. В общем и целом, неплохие отношения между Россией и Францией сохранялись до кон-

³ Хрущев был возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Советским дипломатам было дано указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленить Советский Союз. Был подготовлен срочный запрос, ответ на который шокировал Хрущева. На встрече с советским послом С. А. Виноградовым Шарль де Голль сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом».

да президентства Ж. Ширака⁴, но уже с приходом к власти Николя Саркози становится очевидным разворот Пятой республики в сторону Вашингтона (а также явное потепление между Парижем и Варшавой, к которой Ширак не питал особенной симпатии как верному вассалу Вашингтона в Европе).

Тем не менее, очевидно, что Франция – одна из двух стран Западной Европы, с которой Россия может образовывать стратегические союзы; вторая – это, разумеется, Германия. В 2013 – начале 2014 года часть экспертного сообщества в России была практически уверена в том, что союз Берлина и Москвы (где Германия будет поставщиком технологий и управленческих моделей, а Россия – поставщиком ресурсов и рабочей силы) настолько выгоден обеим странам, что не может не стать реальностью. События на киевском Майдане и последовавшие военные действия в Новороссии похоронили этот амбициозный проект, так как стало ясно, что Германия не готова идти на союз с Россией против воли своих старших партнеров по НАТО.

Но только ли в недоброй воле Вашингтона дело? Достаточно очевидно, что без общей ценностной платформы – именно ценностной, а не идеологической – создание по-настоящему крепкого союза между Россией и ведущей европейской страной невозможно, без нее такой союз будет в луч-

⁴ Который неоднократно говорил о «привилегированном партнерстве» между Россией и Францией.

шем случае ситуативным, тактическим, а не стратегическим. С Германией таких общих ценностей у России нет, или почти нет. С Францией же история другая. Именно между Россией и Францией возникло взаимное идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

По мнению крупного специалиста по франко-российским отношениям **Тома Гомара**, *«во Франции можно выделить шесть основных подходов к интерпретации российской политики. Три из них роднит между собой строгая критика режима: это защитники „прав человека“, обеспокоенные нарушением общественных свобод, хулители „великорусской идеи“, которых тревожат даже слабые проявления русско-го национализма, и эксперты в области распространения ядерного оружия... Напротив, три других подхода подчеркивают позитивную стабилизацию России. Ссылаясь на баланс мировых держав, первые видят Россию как „великую страну“ и „стратегического партнера“. Для вторых Россия – огромный рынок с мощным потенциалом роста. Третьи видят в Путине последнего защитника русских интересов, который проводит политику национальной независимости – что-то вроде голлизма по-русски»⁵.*

Более того: не будет преувеличением сказать, что часть французского политического класса с надеждой смотрит на

⁵ Thomas Gomart. La politique russe de la France: fin de cycle? // Politique étrangère. 2007/1.

Россию как на хранилище и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Как считает французский юрист и политолог **Эммануэль Леруа**, на протяжении ряда лет бывший членом Национального Фронта:

«Последний оплот, который они (англосаксонская финансовая олигархия. – *К. Б.*) должны завоевать, находится на берегу Москвы-реки. И война, которую они ведут, они ведут, чтобы завоевать Кремль. Это тотальная война: идеологическая, культурная, религиозная, экономическая, технологическая и, разумеется, собственно война в классическом ее понимании».

Разумеется, когда мы говорим о части французского политического класса, мы по умолчанию имеем в виду и значительную часть французского общества, поскольку в состав этой группы симпатизантов России входят как интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, так и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров выделяется глава партии Национальный Фронт Марин Ле Пен, являющаяся сейчас наиболее симпатизирующим России европейским политиком.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части политического класса Франции, которая чувствует, может быть, не всегда рационально

объяснимую, но искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке. Личность лидера Национального Фронта неотделима от истории самой партии, которую на протяжении почти сорока лет возглавлял отец Марин, Жан-Мари Ле Пен. Жизни и политической карьере Ж.-М. Ле Пена в контексте возникновения и становления Национального Фронта посвящена вторая глава этой книги. Непростые взаимоотношения отца и дочери, которым в книге уделено немало внимания, отражают глубинные процессы, происходившие и происходящие в настоящий момент в недрах Национального Фронта, не всегда очевидные для стороннего наблюдателя. Разворачивающаяся буквально на наших глазах полная драматических поворотов история противостояния отца и дочери, напоминающая классический шекспировский сюжет, описана в седьмой главе книги, посвященной последним (по времени) событиям в истории Национального Фронта, в частности, департаментским выборам весны 2015 г.

Описание борьбы Марин Ле Пен за власть в партии, процесса «де-демонизации» (*dédiabolisation*) Национального Фронта, было бы неполным без рассказа о ближайших ее соратниках и советниках: вице-президентах НФ Луи Альо и Флориане Филиппо, а также казначее партии Валлеране де Сен-Жюсте. Им посвящена отдельная глава, в которой также рассматриваются важные для истории модернизированного Национального Фронта сюжеты: сближение с еврейской общиной Франции и Израилем, проблема «гомосексуального

лобби» в руководящих эшелонах партии и скандал, связанный с финансированием НФ со стороны российских банковских структур.

Подробно описана в книге и борьба Марин Ле Пен с европейской бюрократией в стенах Европарламента – борьба, в которой лидер Национального фронта, несмотря на мощную электоральную поддержку внутри страны, противостоит безликим, но сплоченным и хорошо организованным европейским «аппаратчикам». Каким образом «новой Жанне д’Арк» удалось сломить сопротивление евробюрократии и расстроить интриги конкурентов-евроскептиков, рассказывается в главе «Битва за Европу».

Наконец, последняя глава исследования посвящена в основном проблеме отношения Марин Ле Пен и Национального Фронта к России, и анализу возможностей создания нового консервативного союза между Россией и Францией, а также той роли, которую лидер НФ играет в изменении отношения к России в правом сегменте французской политической элиты.

* * *

Для понимания личности и идейной эволюции лидера Национального Фронта чрезвычайно важны написанные ей самой книги: автобиография «**Против течения**» (Marine Le Pen, *À contre-flots*. Paris, éd. Grancher 2006) и вышедшая в

январе 2012 г., за несколько месяцев до президентских выборов, книга **«Чтобы Франция жила»**, представляющая собой идеологическую программу Марин Ле Пен (Marine Le Pen, *Pour que vive la France*, Paris, éd. Grancher, 2012).

Личность Марин Ле Пен привлекает внимание журналистов и политических аналитиков даже больше, чем изрядно «демонизированная» СМИ фигура ее отца. Однако в случае с Марин Ле Пен задача критиков существенно осложнялась тем, что ее образ изначально был куда более привлекательным, чем brutальный имидж Ле Пена-старшего. Поэтому все усилия противников НФ были направлены на то, чтобы «разоблачить» новый образ партии, активно создаваемый Марин. В этом ключе написана книга Каролин Фуре и Фьяметты Веннер **«Марин Ле Пен»** (второе издание которой так и называется: **«Разоблаченная Марин Ле Пен»**) (Caroline Fourest, Fiametta Venner. *Marine Le Pen démasquée*. Paris: Grasset, 2012)

Каролин Фуре – профессиональный журналист, в сферу интересов которой входят в основном религиозные фундаменталисты. В 2011 г., когда готовилось первое издание книги про Марин, она работала в печально известном еженедельнике Charlie Hebdo. Именно тогда на редакцию Charlie было совершено первое нападение – ее забросали бутылками с «коктейлем Молотова». А за несколько лет до этого Фуре подписала обращение 12 французских интеллектуалов с требованием «остановить новый тоталитаризм – исла-

мизм». Что касается Фьяметты Веннер, то она известна не только как журналист, «разоблачающий» организации католиков-традиционалистов, но и как лесбийская активистка.

Фуре и Веннер ставили своей задачей «расшифровать» операцию по «де-демонизации» Национального Фронта, в проведении которой, как они указывают в предисловии ко второму изданию, Марин Ле Пен, «казалось, преуспела» к маю 2011 г. Будучи яркими представителями как раз того глобализированного, антитрадиционалистского общества, против которого выступает Национальный Фронт, они являются убежденными противниками Марин Ле Пен, что и предопределило неудачу обозначенной в самом начале книги претензии на некую объективность.

Несмотря на то, что Фуре и Веннер обещали «не исказить, не демонизировать» образ лидера НФ – реакция самой героини книги (Марин подала на авторов в суд) показывает, что это намерение так и не было реализовано. Во втором издании Фуре и Веннер сделали особый упор на «разворот Марин Ле Пен в сторону путинской России», который, без сомнения, представляется им серьезным грехом – ведь в России безжалостно попирают права сексуальных меньшинств и возрождают православную церковь. Не гнушаются они и изысканиями в ворохе грязного белья, что особенно очевидно в главе, посвященной судьбе Сандры Кац, кандидату от НФ в кантоне Кудекерк-Бранш (департамент Нор), которую

пресса объявила «девушкой по вызову»⁶.

В отличие от крайне тенденциозной, хотя и насыщенной интересными фактами, книги Фуре и Веннер, книга Патриса Машуре, журналиста и редактора канала France 3, «**В коже Марин Ле Пен**» (*Dans la peau de Marine Le Pen, Paris: Edition de Seuil, 2012*), написана в куда более выдержанном тоне. В ней дается комплексный портрет нового лидера НФ: личности сложной, подверженной приступам гнева, ранимой, эгоцентричной, но в то же время умеющей отлично ладить с людьми. Безусловный интерес представляет описание Машуре съезда НФ в Туре в январе 2015 г., на котором Марин была избрана новым президентом партии вместо своего отца.

Исследование социолога Сильвен Крепон «**Опрос в сердце нового Национального Фронта**» (*Sylvain Crepon. Enquete au Coeur du Nouveau Front National. Paris, Nouveau Monde edition, 2012*) представляет собой фундаментальное исследование изменившейся с приходом Марин Ле Пен партии. Крепон, доктор социологии из университета Западный Париж – Нантер занимается изучением Национального Фронта более 20 лет, она автор нескольких книг, посвященных крайне правым. Монография Крепон интересна тем, что рассматривает партию в динамике, анализирует изменения,

⁶ То, что Сандра Кац не была таковой, стало очевидно уже после ее самоубийства в ноябре 2011 г. (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/11/22/une-ex-candidate-fn-sandra-kaz-se-suicide-226775>).

произошедшие в ней с приходом новой команды во главе с Марин Ле Пен. Крепон очень подробно и тщательно исследует опыт административного руководства, полученный Марин на посту муниципального советника города Эннен-Бомон (в департаменте Па-де-Кале) – своего рода опытного полигона Национального Фронта.

Нельзя не упомянуть и о посвященных Марин Ле Пен книгах, относящихся к жанру fiction. Например, роман Фредерика Деслорье «**Двести дней Марин Ле Пен**», увидевший свет в 2011 г., повествует о том, что произошло после победы Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 г., когда ей удалось разгромить и Саркози, и социалистов (*Frederic Deslauriers. Deux cent jours de Marine Le Pen. Paris: Plon. 2011*). В вышедшем полгода назад романе Мишеля Уэльбека «**Покорность**» все происходит с точностью до наоборот – но только в 2022 г. (*Michel Houellebecq, Soumission, Paris, Flammarion, 2015*). После того, как результаты президентских выборов были аннулированы после масштабного мошенничества с подсчетом голосов, на объявленных дополнительных выборах лидер мусульман Франции Мухаммед Бин Аббес побеждает Марин Ле Пен, опираясь на социалистов и правых. На следующий день страна погружается в средневековье, нормы ислама и законы шариата заменяют двухтысячелетнее наследие европейской цивилизации. Когда левые обвинили Уэльбека в том, что он своим романом сделал «подарок Марин Ле Пен», писатель ответил: «Вряд ли ей нужны

мои подарки – у нее и так все хорошо».⁷

Французские СМИ, что не удивительно, также оказывают НФ и его лидеру самое пристальное внимание. Наиболее интересные материалы, однако, содержит партийная пресса, а именно официальный орган партии *Le Nouveau National Hebdo*, пришедший на смену старой газете Фронта *National Hebdo*, которую на протяжении многих лет возглавлял Р. Гоше. Помимо этой, выходящей раз в неделю газеты, события, происходящие в партии, и деятельность Марин Ле Пен, существуют три достаточно влиятельных СМИ, отражающие позицию французских националистических сил: *Minute*, *Présent* и – особенно – *Rivarol*.

Основанный в январе 1951 командой журнала *Ecrits de Paris*, к которой присоединились «молодые волки» Антуан Блонден, Жюльен Гернек (Франсуа Бриньо) и Морис Ге (*Gait*), *Rivarol* является самой «отвязанной» газетой крайне правых, одержимой всемирным еврейским заговором и засильем гомосексуалистов в правительственных кругах. Национальному Фронту *Rivarol*, в общем, всегда симпатизировал, но в 2005 г. между ними пробежала черная кошка: редактор еженедельника Жером Бурбон опубликовал запись своего конфиденциального разговора с Жан-Мари Ле Пен, в котором последний весьма откровенно высказывал некото-

⁷ По странному стечению обстоятельств, роман Уэльбека увидел свет 7 января 2015 г. – в тот день, когда исламские террористы расстреляли журналистов в редакции *Charlie Hebdo*.

рые свои взгляды на историю Второй мировой войны. Тем не менее, до 2010 г. еженедельник поддерживал НФ и его лидера, позволяя себе, тем не менее, критиковать их по тем или иным конкретным поводам (то, что в СССР называлось «товарищеская критика»).

Однако в 2010 г. все изменилось. Газета заняла крайне враждебную позицию в отношении Марин Ле Пен, которая как раз начала предвыборную кампанию с целью занять пост президента НФ (подробно об этом рассказывается в четвертой главе книги). Главный редактор издания, Ж. Бурбон, католикинтегрис, седевакантис⁸ и ярый антисемит, постоянно атаковал «клан Ле Пен» и часто употреблял вместо слов «Национальный Фронт» (Front National) слова «Семейный Фронт» (Front familial). К Марин, из-за проводимой ей политики «де-демонизации» партии, предполагающей отказ от антисемитской и гомофобной риторики, Бурбон относится с нескрываемой враждебностью.

«Для меня Марин Ле Пен – демон, абсолютный враг со всех точек зрения, в моральном, политическом и интеллектуальном плане. Это абсолютная катастрофа, я не испы-

⁸ Католики-интегрисы (от лат. *integrum* – «целостный»), стремятся свести к минимуму заявленное папой Иоанном XXIII «обновление» и сохранить традиционные положения вероучения в целостности. Седевакантисы – сторонники течения в интегральном католицизме, считающие, что после Второго Ватиканского собора престол святого Петра остается вакантным, а Папой является узурпатор. Некоторые седевакантисы полагают, что с приходом Бенедикта XVI ситуация изменилась к лучшему.

тываю к ней ни малейшего доверия. Все, что я испытываю – это тотальное отвращение; впрочем, это взаимно».

Отношение Minute и Présent к дочери Жан-Мари Ле Пен претендует на несколько большую объективность, хотя в 2010 г. эти СМИ также поддерживали кандидатуру соперника Марин Ле Пен на выборах президента партии Бруно Гольниша. С весны 2014 г. Présent полностью поддерживает Марин; в том числе и в ситуации ее конфликта с отцом в апреле-мае 2015 г.

Наконец, два журналиста одной из ведущих и наиболее авторитетных газет Франции, Le Monde, Абель Местр и Каролин Монно, ведут досье «Крайне правые»⁹, где Марин Ле Пен уделяется немало внимания. При общей тенденциозности этой газеты в ее отношении к Национальному Фронту и его лидеру нужно признать, что в ряде случаев Местр и Монно пытаются объективно подойти к анализу «жареных фактов», которые другими изданиями подаются в однозначном негативном ключе. Примером может служить история с кредитом, полученным НФ от Первого Чешско-Российского Банка, о которой подробно рассказывается в четвертой главе книги.

На русском языке литература, посвященная Марин Ле Пен, почти отсутствует. Единственным исключением является книга **«Нужна ли России Марин Ле Пен?»** бывшего спецкора «Правды» во Франции В. Большакова, выпу-

⁹ <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/>

щенная издательством «Алгоритм» в 2012 г., а также книга **«Марин Ле Пен. Равняться на Путина!»** представляющая собой компиляцию интервью и выступлений лидера Национального Фронта, в основном, посвященных России, снабженная послесловием того же Большакова. Вот и все, что есть на русском языке об одном из наиболее интересных политиков современной Европы.

В течение долгих лет отечественные публицисты и даже некоторые политологи повторяли затертые еще в советское время штампы о якобы «неофашистском» характере партии Национальный Фронт. Естественно, когда несколько лет назад внезапно выяснилось, что новый лидер НФ более чем кто-либо из европейских политиков симпатизирует России и поддерживает ее действия на международной арене, эти штампы сослужили нашей стране плохую службу.

Правда, с тех пор кое-что все-таки изменилось: усилия Марин Ле Пен по превращению Национального Фронта в «рукопожатную» политическую силу принесли свои плоды не только во Франции, но и у нас. Но представление о том, что при Жан-Мари Ле Пене НФ был ультраправым движением, а при его дочери слегка сдвинулся в сторону мейнстримной партии, по-прежнему очень распространено и в российской журналистике, и даже в экспертной среде.

Между тем, как будет показано в этой книге, Национальный Фронт с самого начала довольно резко отмежевывался от действительно экстремистских и – что греха таить – близ-

ких неофашизму движений, сыгравших определенную роль в его возникновении. Вся его история с 1972 до 2011 г., (когда власть в партии перешла к Марин Ле Пен) – это история постепенного превращения изначально маргинальной и существовавшей в политическом «гетто» партии в мощную и способную заставить считаться с собой силу, претендующую на интеграцию в устоявшуюся политическую систему. Марин Ле Пен – при всем уважении к ее усилиям по модернизации партии – лишь продолжила процесс, который шел в НФ, по меньшей мере, с конца 1980-х годов (т. н. «первая дедемонизация», в ходе которой в руководство партии были приглашены университетские преподаватели, такие, как Бруно Гольниш, видные активисты правоцентристских партий, такие, как Бруно Мегре, и интегрированные в парижскую элиту юристы, такие, как Валлеран де Сен-Жюст). Эти события (включая раскол Мегре) сыграли значительную роль в формировании Марин Ле Пен как политика – поэтому, хотя наша книга и не является историей Национального Фронта, им уделено в ней определенное внимание.

И сейчас Национальный Фронт представляет собой в полном смысле слова системную политическую силу, и не так важно, «первую» или «третью» партию Франции – главное, что это уже мейнстрим. Более того: как будет показано в шестой главе, именно у партии Марин Ле Пен есть реальный шанс стать новой голлистской партией для современной Франции.

Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать портрет модернизированного Национального Фронта, проанализировать все его победы и (относительные) поражения. Автор ставил перед собой более узкую и достаточно скромную задачу – познакомить читателя с биографией Марин Ле Пен, вписанной в контекст крайне правого движения во Франции, которое – по целому ряду причин – является наиболее симпатизирующей новой России и проводимой ею политике политической силой современной Европы.

Получилось это или нет – судить читателю.

Глава первая

Маленькая девочка из Монтрету

«Твой папа – фашист» (1968–1984)

Марин Анн Перрин Ле Пен, младшая дочь Жан-Мари Ле Пена и Пьеретт Лаланн, родилась в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен¹⁰ 5 августа 1968 г.

Фамилия «Ле Пен», как всегда утверждал ее отец, на местном бретонском диалекте (Жан-Мари родился в Бретани в окрестностях городка Трините-сюр-Мер) означала «главарь», «босс». Но есть и другая версия, согласно которой древние формы этой фамилии (Le Paen, Le Réen) употреблялись для обозначения «язычников» (по-французски

¹⁰ Место, замечательное во всех отношениях. Помимо того, что там родился Жан-Поль Бельмондо, а умер Георгий Иванович Гурджиев, Нейи-сюр-Сен долгое время был вотчиной Ашилля Перетти, бывшего доверенного телохранителя генерала де Голля. С поста мэра Нейи-сюр-Сен А. Перетти шагнул на еще более высокий уровень, став председателем Национального собрания Франции (который занимал до 1972 г., когда вскрылись его связи с корсиканской мафией). А секретарем Перетти была некая Андре Мала, мать будущего президента Франции Николя Саркози (впоследствии также ставшего мэром Нейи).

«раïен»)¹¹. Впрочем, в семье Ле Пенов все были добрыми католиками, а традиции, переходящие из поколения в поколение, чтились и соблюдались здесь неукоснительно. Поэтому Жан-Мари, придававший большое значение обрядам, устроил торжественные крестины своей младшей дочери 25 апреля 1969 г. в церкви Св. Марии Магдалины в 8 округе Парижа.

Однако крестного отца для Марин он выбрал весьма своеобразного.

Анри Ботей, известный также под именами Месье Эрик и Император Пигаль, был личностью по-своему выдающейся. Начинал он как скромный ученик пекаря, но довольно быстро сделал карьеру управляющего ночными клубами, барами с сомнительной репутацией и дешевыми отелями для влюбленных. В середине 70-х он был осужден за сутенерство (которое, в отличие от проституции, во Франции запрещено), но каким-то образом ухитрился вести дела и из-за решетки. Выйдя на свободу, Ботей принял участие в жестокой войне банд за контроль над районом Пигаль. В него несколько раз стреляли, его пытались взорвать – но он выходил из всех переделок живым и невредимым и в конце концов выиграл эту войну. При всем том Ботей вовсе не походил на классического гангстера: это был низенький (1,5 метра ростом, за что его называли за глаза «Rase-Mottes», что можно перевести и

¹¹ Если это так, то Ле Пены оказываются однофамильцами знаменитого основателя и первого Великого магистра ордена тамплиеров Гуго де Пейна (Hugues de Payens или Hugo de Paganis).

как «Недомерок»), очень обаятельный жизнелюб, носивший роскошное пальто из норки и передвигавшийся по городу на белом «Роллс-ройсе». Однако в 1968 г., когда он стал крестным отцом Марин Ле Пен, ни «Роллс-ройса», ни норкового пальто еще не было и в помине: Ботей был просто молодым и веселым парнем, занимавшимся, как все полагали, гостиничным бизнесом.

«Ботей все сделал превосходно, – вспоминала в 1988 г. мать Марин, Пьеретт Ле Пен (к тому моменту уже четыре года как разведенная с Жан-Мари). – Крещение было с большой помпой проведено в церкви Св. Марии-Магдалины. Для тех, кто не верит в „знаки“, приведу только один пример. Капеллан Попо, проводивший обряд, окропил водой лоб Марин и насыпал соль ей на язык...¹² Попо был знаменитостью. Известен он был всей „братве“ как капеллан тюрьмы Френе...»¹³

По словам Пьеретт, когда «Месье Эрика» арестовала полиция, ее муж объяснил ей причину весьма туманно: *«Это было predetermined... Он зарабатывал слишком много денег, фискалы его выследили»*. Но спустя несколько дней Пьеретт прочла в газетах, за что именно был арестован Ботей, и *«газеты выпали у нее из рук»*. Однако Жан-Мари реши-

¹² У католиков святая вода – соленая. Капеллан должен был с молитвой посолить воду и окропить ей малышку.

¹³ Le parrain proxo de Marine Le Pen // Bakchich 10-06-11 (<https://www.bakchich.info/france/2010/06/11/le-parrain-proxo-de-marine-le-pen-57903>).

тельно отказался говорить с ней на эту тему; единственное, что он сделал, это строго-настрого запретил маленькой Марин смотреть телевизор, пока не схлынет вся шумиха вокруг ареста «крупнейшего сутенера Парижа». Марин была очень привязана к «месье Эрику». *«С ней он был сама любезность и доброжелательность: настоящий крестный...»*, – вспоминала Пьеретт.

Возникает, разумеется, вопрос, что связывало бывшего «зеленого берета» и ловкого сутенера из парижских предместьев? Вопреки распространенному заблуждению Анри Ботей не был родственником Жан-Мари Ле Пена. Зато они оба участвовали в работе Комитета Тиксье-Виньянкура: Ле Пен был руководителем избирательного штаба, а Ботей финансировал избирательную кампанию Тиксье-Виньянкура. Была и еще одна ниточка, связывавшая Жан-Мари Ле Пена и Анри Ботея: Пьер Дюран, журналист, старый друг и компаньон Ле Пена, по свидетельству Пьеретт Ле Пен, был одним из самых доверенных помощников месье Эрика, через которого сутенер руководил своим бизнесом даже из тюрьмы. Но следует иметь в виду, что Пьеретт в своих воспоминаниях все же чересчур пристрастна: позже станет ясно, что у нее были на то причины.

Пьеретт Лалан и Жан-Мари Ле Пен познакомились в 1958 г. – когда ей было 23, а ему 30 – а поженились в 1960. Пьеретт – блондинка-фотомodelь – родила мужу трех дочерей: Мари-Каролин, Янн и Марин. Со стороны казалось, что

их брак идеален: Жан-Мари окружал жену заботой, и все, что он от нее требовал, – чтобы она всегда хорошо выглядела. В Трините-сюр-Мер, на родине Жана-Мари, она целыми днями загорала в саду, «одетая лишь в собственные волосы», как шутили в семье Ле Пена. *«Я для него – как привал для воина»*, – говорила Пьеретт друзьям. Однако за этим благополучным фасадом бушевали нешуточные страсти, о которых она поведает миру уже после развода. Насколько ее откровения соответствовали действительности – судить трудно; но известно, что впервые о желании расстаться с мужем она заявила еще в 1972 г. – как раз когда Жан-Мари возглавил Национальный Фронт. Но в тот момент все как-то обошлось, и семья Ле Пен, крепкая, словно хорошо сработавшаяся боевая группа, прошла плечом к плечу бурные семидесятые годы. Все пятеро бросали вызов окружавшему их миру – даже в поездках к морю на уик-энд опускали стекла в «Бьюике» и всюю горланили песни, эпатируя спешащих на отдых буржуа. Песни были не простые, а военные, например, популярная в годы Первой мировой «La Madelon», а иногда и вовсе боевые марши Иностранного Легиона.

Летом 1972 г., когда Марин было четыре года, сестры Ле Пен проводили каникулы на побережье Средиземного моря в Палава-ле-Фло неподалеку от Монпелье. Однажды старшие сестры, заигравшись с детьми Алена Жаме, одного из друзей отца, принимавшего участие в создании Национального Фронта, попросту забыли Марин на пляже. Только вер-

нувшись домой, они обнаружили, что младшей с ними нет. Были организованы поиски, и через некоторое время малышку нашли. Франс Жаме вспоминала впоследствии, что ее поразила совершенно недетская выдержка четырехлетней Марин: *«Хотя она долго оставалась одна, но не впала в панику и не заплакала»*.

Она росла с сознанием того, что окружающий мир враждебен ей и ее семье.

В школе сестры Ле Пен подвергались постоянной травле. Одноклассники кричали им: «Ваш отец – фашист!», а учителя только отводили глаза. Имя Жан-Мари Ле Пена внушало добропорядочным обывателям страх, но страх испытывали и его дети.

Марин родилась в год, когда Пятую республику сотрясали студенческие волнения, позже названные Красным маем. «Новые левые» правили бал в Сорбонне и Нантере, в моде были Ленин и Троцкий, самые радикальные гошисты самозабвенно цитировали председателя Мао – «винтовка рождает власть!» Правые консерваторы и традиционалисты находились не просто в гетто – они были раздроблены на крошечные партии и движения, которые никто не принимал всерьез. Но шли годы, и усилия отца Марин по созданию единой националистической партии понемногу приносили плоды – и довольно скоро левые, особенно анархисты, увидели в нем своего смертельного врага. В ночь Хэллоуина (во Франции она называется «Ночь всех святых», Toussaint) 1976 г.

в окно их дома кто-то бросил самодельную бомбу. По счастливой случайности, никто не пострадал, но взрывом разворотило половину кухни и выбило стекла в доме. Дети – и, прежде всего, восьмилетняя Марин – пережили настоящий шок. *«Именно тогда я поняла, что я дочь человека, за которым охотятся, которого хотят убить»*, – признавалась она много лет спустя журналистам.

Спустя несколько недель семья Ле Пен переселилась из 15-го округа Парижа в более спокойный и безопасный Монтрету. Место было великолепное – считается, что именно из Монтрету (коим заканчиваются Елисейские Поля) открывается лучший вид на Париж. Но и здесь постоянное ощущение нависшей над ними угрозы не оставляло детей. *«Там царил атмосфера смерти, – вспоминала гораздо позже средняя дочь Жана-Мари, Янн, которой на тот момент едва исполнилось 13. – Я прятала под подушку зубчики чеснока, чтобы отогнать злых духов»*¹⁴.

Поместье, в котором поселилась семья Ле Пен, Жан-Мари унаследовал от эксцентричного миллионера Юбера Ламбера, владевшего процветающим бизнесом по производству цемента и строительных смесей. Монархист Ламбер разделял крайне правые идеи и был большим поклонником Жана-Мари, которого считал эталоном француза, мужественным и решительным. Умер Ламбер при странных обстоя-

¹⁴ Pascale Nivelles. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

тельстввах: неизлечимо больной, и, по-видимому, страдавший психическими отклонениями, он, по свидетельству родных, был «полностью изолирован» в последние месяцы своей жизни. Единственным человеком, с которым он общался, был Жан-Мари Ле Пен.

Помимо огромных денежных сумм (по разным данным, от 30 до 40 миллионов «тяжелых франков»), Ле Пен унаследовал от цементного короля трехэтажную виллу площадью в 365 квадратных метров посреди роскошного парка почти в пять гектаров¹⁵. Именно сюда переселилась семья Ле Пен после взрыва в 15-м округе Парижа.

В Монтрету Жан-Мари Ле Пен устроил *«свое правительство и свой двор»*. Он разработал целую систему ритуалов, например, обязательное фотографирование хозяина и его гостей на верхней площадке лестницы, устраивал праздники, костюмированные вечера. Он очень старался, чтобы члены семьи не думали о нависающей над ними угрозе и наслаждались жизнью. А угроза была вполне реальной: в марте 1978 г. сионистскими боевиками из никому до той поры неизвестной группировки «Коммандос Памяти» был убит – взорван в своем автомобиле – друг Ле Пена, историк **Франсуа Дюпра**. Ему отомстили за ревизионизм – Дюпра доказывал, что во время Второй мировой войны было уничтожено гораздо меньше евреев, чем официально признанные 6 миллионов, а газовых камер в немецких лагерях смерти якобы

¹⁵ Ныне поместье Монтрету оценивается приблизительно в 6,5 млн.

не существовало вовсе. Вместе с Дюпра в машине находилась его жена – она чудом выжила, но осталась инвалидом на всю жизнь. Жан-Мари вполне мог чувствовать себя следующим в списке – а хуже всего было то, что невидимые враги не щадили и тех, кто находился рядом с их жертвами.

Но удар, обрушившийся на семью Ле Пен, последовал со всем с другой стороны.

В 1984 г. в поместье Ле Пена в Монтрете гостил журналист газеты *Le Figaro* Жан Марсильи, работавший над биографией Жана-Мари (к тому моменту Национальный Фронт стал уже заметным политическим явлением). Между молодым журналистом и уставшей от жизни в «золотой клетке» Пьеретт вспыхнула симпатия... и 10 октября 1984 г. мать троих детей и жена лидера Национального Фронта со скандалом ушла из дома вместе с несостоявшимся биографом Ле Пена.

Скандал продолжился и после ее ухода: Пьеретт изо всех сил старалась скомпрометировать имя Ле Пена, давала бесчисленные интервью, не жалея черной краски для описания характера и привычек своего бывшего мужа. Впрочем, не жалела она и дочерей, которые остались с отцом, сплотившись вокруг него, как верные солдаты вокруг своего раненого командира. Чтобы уязвить самолюбие Жан-Мари, фотографировалась обнаженной на обложке «Плейбоя». Фотографии, которые до сих пор можно без особого труда отыскать в сети, вызывают смешанные чувства: все-таки экс-мо-

дели к этому времени было уже почти под пятьдесят. Янн Ле Пен, которая увидела фотографии во время своего медового месяца, путешествуя по Юго-Восточной Азии, высказалась про них очень грубо: «...наружу, половая тряпка в ж...е». Пристали репортеры и к Марин, но та нашла другие слова. «Мама – это тайный сад, а не общественная помойка»¹⁶. Тем не менее, она очень тяжело переживала разрыв родителей: «Полтора месяца я не могла есть – меня рвало каждый раз, когда я пыталась проглотить кусок», – вспоминала она в автобиографии.

А Пьеретт не унималась. Ее рассказы о «зоологическом антисемитизме» бывшего мужа во многом способствовали формированию легенды о «фашиствующем политике», которая сопровождала лидера Национального Фронта долгие годы. Помимо всего прочего, она наотрез отказалась отдавать Ле Пену запасной стеклянный глаз, который всегда носила в сумочке (в драке на предвыборном митинге Ле Пен потерял глаз и носил искусственный). Жан-Мари был в ярости. «Ты приползешь в Сен-Клу (западный пригород Парижа, где располагалась вилла Монтрету) на коленях», – писал он Пьеретт. И не экономил на эмоциях, описывая, что он станет делать с ней в этом случае. Щадя эстетические чувства читателя, не станем останавливаться на карах, которые Ле Пен обещал бывшей жене¹⁷.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Надо сказать, что после развода Пьеретт досаждала Жану-Мари еще и по-

Много лет спустя Пьеретт, оставленная всеми своими любовниками и мужьями, без гроша в кармане, действительно вернулась в брошенную когда-то семью – и почти на коленях. Хорошо зная крутой нрав своего бывшего мужа (Жан-Мари уже давно был женат вторым браком на полу-француженке, полугречанке Жани), она попробовала наладить контакты со старшими дочерьми – Мари-Каролин и Янн. Те приняли «блудную мать», сняли ей квартиру и начали планомерную «осаду», целью которой было убедить отца принять раскаявшуюся Пьеретт. И только после того, как Жан-Мари, характер которого с годами смягчился, великодушно разрешил бывшей жене поселиться в садовом домике в Монтрету, младшая дочь Пьеретт, Марин тоже ее простила.

Но это случится только через много лет, а пока шестнадцатилетняя Марин осталась без матери.

«У нее никогда не было матери, это невероятно»¹⁸, – сказал о ней Жан-Клод Мартинес, вице-президент Национального Фронта, исключенный из партии в 2008 г. Это, конечно,

стоянными намеками на то, что в жилах его дочерей течет не вполне «чистая» французская кровь. В отличие от стопроцентного бретонца Ле Пена, Пьеретт Лаланн происходила из семьи виноделов с юга Франции (регион Медок), и ее генеалогическое древо было изрядно «подпорчено» средиземноморским влиянием: она с гордостью рассказывала, что среди ее предков были не только итальянцы, но и левантийские арабы, и даже евреи.

¹⁸ Portrait de Marine Le Pen en fille de sa mère // <http://www.lesinrocks.com/2011/06/05/actualite/portrait-de-marine-le-pen-en-fille-de-sa-mere-1114390/>.

преувеличение – все-таки до 6 лет Пьеретт явно имела какое-то влияние на дочь, но можно согласиться с нынешним гражданским мужем Марин Луи Альо, который утверждает, что Марин была воспитана своим отцом. И свидетельство самой Пьеретт, утверждавшей, что *«Марин всегда была абсолютным клоном своего отца»*, окончательно убеждает нас в том, что из Марин всегда была самой преданной «папиной дочкой»¹⁹.

Отношения в семье после ухода Пьеретт оставались очень близкими и доверительными, хотя Жан-Мари воспитывал дочерей в несколько гипертрофированном духе «зеленых беретов». В комнате Марин висел плакат «Война – это черное солнце, под которым люди мужают». В кругу друзей отца сестры распевали песни Иностранного Легиона. Когда они пытались пожаловаться на какие-то неудобства, Ле Пен повторял: *«Вы должны уметь выжить голыми на снегу»*. Сестры обожали отца... и боялись его.

«Фигура отца жутко мешала нашей личной жизни, – вспоминала позже Янн. – Это было непросто для нас... и еще сложнее для наших парней». В автобиографии Марин вспоминала, что «статус дочери Ле Пена» давил тяжким грузом на молодых людей, с которыми она знакомилась. *«Разделять мою жизнь – означало брать на себя ответственность за все, что меня окружало... начиная с детства: по-*

¹⁹ Pascale Nivelles. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

кушения, сплетни, предвыборные кампании...» И она, и ее сестры привыкли к разделению мира на две части: в одной – семья Ле Пен, в другой – все остальные. *«Мы были ежами, – подтверждала Янн. – Более недоверчивыми и подозрительными, чем другие. Мы познали горечь предательства. и со стороны друзей, и со стороны близких».*

Приблизительно в это же время Ле Пен-старший в телешоу «Час истины» выскажет свое кредо: *«Я люблю своих дочерей сильнее, чем моих кузин, моих кузин – больше чем моих соседей, моих соседей больше, чем знакомцев».* Его услышат пятнадцать миллионов человек, но на самом деле эта максима будет обращена только к троице – Мари-Каролин, Янн и Марин. Особенно к Марин.

Дальнейшая судьба сестер сложилась, естественно, по-разному, но мощное гравитационное поле Жан-Мари Ле Пена и – что не менее существенно – его детища, партии Национальный Фронт, скорректировало жизненный путь каждой из них.

Мари-Каролин, старшая из сестер, которую в семье называли «Каро», в 1998 г. рассорилась с отцом в результате внутрипартийного конфликта. Каро и ее муж, Филипп Оливье²⁰, последовали за «предателем» Бруно Мегре, который пытался сместить Жан-Мари Ле Пена с поста президента На-

²⁰ Это был второй брак Мари-Каролин; первым ее мужем был Жан-Пьер Гендрон, также активист Национального Фронта (а до этого член «Французского действия», «Нового порядка» и других крайне правых организаций).

ционального Фронта²¹. Ле Пен заклеил дочь позором в эфире TF1 (гневно обрушившись на всех *«женицин, которые склонны следовать за своими мужьями или любовниками скорее, чем за своими отцами»*), а в частном разговоре заявил ей: *«Ты больше не моя дочь»*. Мари-Каролин не стала унижаться и вымаливать прощения. Они вместе с мужем продолжали партийную карьеру, но уже в движении Мегре. В 2011 г. корреспондент France Soir задал 82-летнему Жан-Мари вопрос о его отношениях со старшей дочерью. Ответ был вполне в духе Ле Пена: метафоричным и выпреним. *«Энцефалограмма показывает плато. Она (Мари-Каролин. – К. Б.) поддалась двойному греху неверности и неблагодарности»*.

Марин, которая в момент конфликта возглавляла юридический департамент Национального Фронта, вела активную борьбу против Мари-Каролин, однако впоследствии примирилась с *«предательницей»* – в СМИ писали, что важную роль в примирении сестер сыграла Пьеретт, отдавшая, таким образом, долг своим детям за то, что они помогли ей вернуться в клан.

«Сегодня наши дети регулярно видятся, – говорила Марин в 2011 г. – Что касается меня, я полностью ее простила. Ведь она – моя сестра».²² Каро полностью ушла из

²¹ Подробнее об этом – в третьей главе.

²² Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11. (<http://archive.francesoir.fr/actualite/politique/roman-des-soeurs-pen-92762.html>)

политики и посвятила себя семейной жизни. А вот ее муж, Филипп Оливье, даже был некоторое время одним из наиболее доверенных советников Марин Ле Пен, когда она заняла пост президента Национального Фронта²³.

Что касается Янн, то она попыталась «соскочить» с подножки семейно-партийного экспресса, едва став совершеннолетней. Самая чувствительная и ранимая из сестер, тяжело переживавшая «атмосферу смерти», сгущавшуюся вокруг Монтрету, она была нонконформисткой в изначально нонконформистском семействе. «Я – лепеновская хипушка», – говорила Янн о себе. За месяц до получения диплома бакалавра она бросила лицей, не предупредив родителей, и уехала на Маврикий работать аниматором в отеле. Потом быстро – и тоже никого не предупредив, – вышла замуж за стюарда («Это было заманчиво, поскольку он не имел никакого отношения к политике»). Но этот брак оказался неудачным, и в 1993 г. Янн все-таки вернулась во «Вселенную Ле Пен» и вышла замуж во второй раз – за президента молодежной организации Национального Фронта Самуэля Марешаля. С ним она тоже впоследствии развелась, но перед этим родила троих детей – в том числе, Марион Марешаль Ле Пен, которая ныне считается восходящей звездой движения²⁴. Впоследствии Янн работала помощником депутата

²³ Правда, потом он снова отдалился от своей свояченицы и в январе 2015 г. вступил в партию «Вставай, Франция!» голлиста Николя Дюпон-Эньяна.

²⁴ В 2013 г. журнал L'Express опубликовал материалы, согласно которым био-

Европарламента, одного из наиболее влиятельных партийных деятелей, Бруно Гольниша. Несмотря на это (Гольниш был соперником Марин в борьбе за пост президента НФ в 2011 г.) Янн до сих пор очень близка с Марин, которая называет ее «моя сестра-близнец».

Что касается самой Марин, то она даже не предпринимала никаких попыток вырваться из силового поля Жана-Мари и его партии. Она – единственная из всей семьи – была предана отцу без каких-либо оговорок. *«Ради отца Марин была готова на все»*, – писал редактор France Soir Тугдуаль Дени. И хотя в детстве Марин мечтала о том, чтобы стать фотографом или, в крайнем случае, сделать карьеру комиссара полиции, судьба ее была предрешена: она должна была стать наследницей своего отца. Не случайно писатель и политик **Ален Сораль** заявил как-то: *«У Жана-Мари Ле Пена есть сын. Его зовут Марин»*.

логическим отцом Марион Марешаль является известный журналист и дипломат Роже Ок (Roger Auque), который в 1987–1988 г. находился в заложниках у движения Хезболла в Ливане. Марион не оспаривала этот факт, но подала в суд на издание за вмешательство в частную жизнь.

«Завсегдатаи клубов»: Марин собирает команду

Несмотря на то, что жизнь в тени харизматичного и скандального политика, каким был Жан-Мари Ле Пен, значительно ограничивала свободу действий молодой девушки, Марин в полной мере отдала дань соблазнам юности. *«Она проводила больше времени в ночных клубах, чем на митингах»*, – свидетельствовал историк Национального Фронта. Тот же историк осторожно упоминает о том, что будущий президент НФ была весьма равнодушна к «эфебам», меняя смазливых бойфрендов, как перчатки²⁵. Однако к серьезным чувствам она явно была не готова.

В отличие от Янн она получила диплом бакалавра в лицее Флорен-Шмит в Сен-Клу и без особого труда поступила в университет Париж Пантеон-Асса (Panthéon-Assas) – лучший юридический университет Франции, преемник прославленного факультета права средневековой Сорбонны. Под сенью этого университета с 1968 г. функционировал студенческий союз «Группа совместной обороны» (GUD). Как и многие другие студенческие крайне правые организации, GUD возник при непосредственном участии бойцов «Запада», группировки, о которой будет подробно рассказа-

²⁵ Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11.

но во второй главе.

GUD был крайне правым союзом, члены которого охотно использовали для убеждения оппонентов бейсбольные биты. За это его периодически запрещали, но GUD, меняя названия, регулярно возрождался, как феникс из пепла²⁶. Кажется бы, дочери Жан-Мари Ле Пена была прямая дорога в активисты Группы совместной обороны, но ее отношения с GUD складывались непросто. Она принимала участие в вечерних посиделках Группы в барах Латинского квартала, но не афишировала своих связей с GUD и отнюдь не разделяла ее идеологию. По воспоминаниям однокашников Ле Пен, она в то время вообще не имела ни определенных идеологических воззрений, ни какой-либо политической культуры.²⁷

И это несмотря на то, что в ряды партии своего отца она вступила в возрасте 18 лет (в 1986 г.) Тем не менее, именно на этих совместных «выходах» с активистами GUD Марин познакомилась с **Фредериком Шатийоном** – известным «заводилой» крайне правых акций, основателем ассоциации боевых искусств «**Молот Тора**». Впоследствии это знакомство еще сыграет важную роль – когда Марин возъ-

²⁶ Летом 2014 г. один из бывших активистов GUD, Андре Шанкльо, организовал в Париже ассоциацию «Франция – Донбасс» и «коллектив Франция – Россия», проводившие митинги в поддержку Новороссии. Несколько членов GUD отправились на Донбасс воевать за независимость ДНР и ЛНР (http://www.liberation.fr/monde/2014/10/24/l-extreme-droite-tete-de-pont-dusoutien-a-moscou_1129071).

²⁷ Christiane Chombeau. Le Pen, fille & père. Paris: Ed. du Panama, 2007. P. 171.

мется за формирование своей команды.

Но в этот период своей жизни, хотя она и согласилась вступить в Национальный круг студентов Парижа (CNEP) – студенческое движение, близкое к Национальному Фронту, – политика интересовала ее гораздо меньше, чем возможность сделать карьеру адвоката. Марин окончила университет в 1990 г., затем поступила в Центр профессиональной подготовки адвокатов, блестяще сдав экзамены²⁸.

Даже такие крайне предвзято относящиеся к Марин авторы, как Фуре и Веннер, признают, что многие ее коллеги по адвокатуре, в том числе и левых взглядов, находили ее «симпатичной» и «трудолюбивой». Что, впрочем, не мешало другим коллегам выражать свое негодование тем, что «дочь того самого Ле Пена» учится с ними под одной крышей. Порой Марин приходилось сталкиваться с настоящей обструкцией: в столовой, например, молодые адвокаты могли демонстративно пересесть за другой столик, только чтобы не обедать рядом с ней. Один из ее соучеников вспоминал: когда он в коридоре Центра обсуждал с Марин какую-то профессиональную проблему, экс-председатель студенческого союза подошел к ним и заявил: *«Я запрещаю тебе разговаривать с этой шлюхой!»*²⁹.

²⁸ Во Франции кандидат на должность адвоката должен – после получения высшего юридического образования – сдать вступительные экзамены в одном из региональных центров профессиональной подготовки, проучиться там год, пройти стажировку и еще раз сдать экзамены.

²⁹ Christiane Chombeau. Le Pen, fille & père. P. 182.

Травля, которой Марин подвергалась в школе, продолжалась и в адвокатском сообществе (сам университет Париж-Асса оказался счастливым исключением: в нем было много крайне правых студентов из GUD, да и некоторые преподаватели симпатизировали националистам). Казалось, профессиональная карьера для нее закрыта: не случайно ей настойчиво рекомендовали отказаться от участия в конкурсе на место секретаря судебного заседания: «Из-за вашей фамилии у вас нет шансов добиться успеха в этом состязании». Впоследствии мы увидим, что в демократическом французском обществе даже простое членство в такой партии, как Национальный Фронт, могло послужить причиной увольнения университетских преподавателей права (случай Луи Альо). Но в адвокатуре, к счастью для Марин, царили другие законы: здесь более всего ценились ораторские таланты и дар убеждения. И тем, и другим Марин Ле Пен, несомненно, не была обделена. Одним из состязаний, в котором она проявила свои выдающиеся способности, был «процесс»... над Карлом IX – организатором Варфоломеевской ночи. На этом процессе Марин должна была защищать короля, обвиняемого в «преступлениях против человечности» и «нарушении ночной тишины». Это далось начинающему адвокату нелегко. *«Когда день настал, я почувствовала, что не могу произнести ни слова – так силен был мой страх»,* – вспоминала Марин в автобиографии³⁰. Но она преодолела

³⁰ Marine Le Pen. A contre-flots. Paris: Grancher 2006. P. 150.

свой страх и заняла второе место (из шести).

В январе 1992 г. Марин сдала очередные экзамены, защитила диплом DEA в области уголовного права и получила сертификат, позволяющий заниматься адвокатской деятельностью (САРА). Став членом адвокатской коллегии Парижа, она некоторое время стажировалась в юридической конторе, где ей порой приходилось защищать права нелегальных иммигрантов и людей без документов, которые не могли нанять своего адвоката. Позже она вспоминала об этом не без гордости: будучи убежденной противницей засилья мигрантов во Франции, свои профессиональные обязанности Марин выполняла безупречно. Недаром ее отец в своих интервью повторял: у Марин много недостатков, но есть у нее одно достоинство, неизменное с детских лет – ответственность.

В 1993 г., в возрасте 25 лет, Марин в первый раз приняла участие в парламентских выборах, став кандидатом Национального Фронта в 16 округе Парижа, вотчине респектабельных правых, симпатизировавших Жаку Шираку. Победить ей, разумеется, не удалось, но и завоеванные 11,1 % голосов стали вполне достойным результатом для новичка. А в сердце Марин навсегда поселился азартный холодок политической гонки.

Марин проработала адвокатом в Париже шесть лет. В 1998 г. она завершила адвокатскую карьеру, возглавив юридический департамент партии своего отца. С тех пор вся ее жизнь была без остатка посвящена Национальному Фронту.

В 1998 г. Марин и Янн, «сестры-близнецы», приняли самое деятельное участие в проекте мужа Янн, Самуэля Марешаля, который задумал создать новую молодежную структуру Национального Фронта.

Самуэль Марешаль, сын пастора-пятидесятника, вступивший в НФ на год раньше Марин (в 1985 г.), женился на средней дочери президента партии в 1993 г. У него сложились прекрасные отношения со свояченицей (*la belle-soeur*), которая, используя свой юридический опыт, помогла ему оформить новое движение, получившее название *Génération Le Pen* – «Поколение Ле Пен». На тот момент молодежная организация НФ – *Front National de la jeunesse* – находилась в полумертвом состоянии. Ее подкосил раскол, произошедший в Национальном Фронте в 1998 г. по вине Бруно Мегре³¹. Среди активистов FNJ оказалось слишком много сторонников Мегре, многие из них ушли из движения вслед за своим кумиром, а лояльность оставшихся была сомнительна. Марешаль, возглавлявший FNJ с 1992 г., по-видимому, пришел к выводу, что в старом формате добиться оживления молодежного крыла невозможно. «Поколение Ле Пен» изначально задумывалось как более широкая и менее скованная партийной дисциплиной организация, к тому же свободная от «мегретистов». В ряды «Поколения» вступали молодые националисты, разделявшие идеологию «Третьего пути», – то есть находившиеся в оппозиции как к либерализму, так

³¹ О нем будет подробно рассказано в третьей главе.

и к социализму, отвергавшие «тотальную американизацию» как в сфере политики, так и в сфере культуры. Одной из задач, которую они ставили перед собой, была защита национальной идентичности перед лицом наползающей на Францию глобализационной угрозы. Среди них было немало и тех, кто считал Мегре предателем.

«Поколение Ле Пен» стало площадкой, на которой Марин встречалась и завязывала полезные контакты с людьми, которые впоследствии станут ее верной армией для штурма руководящих партийных высот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.